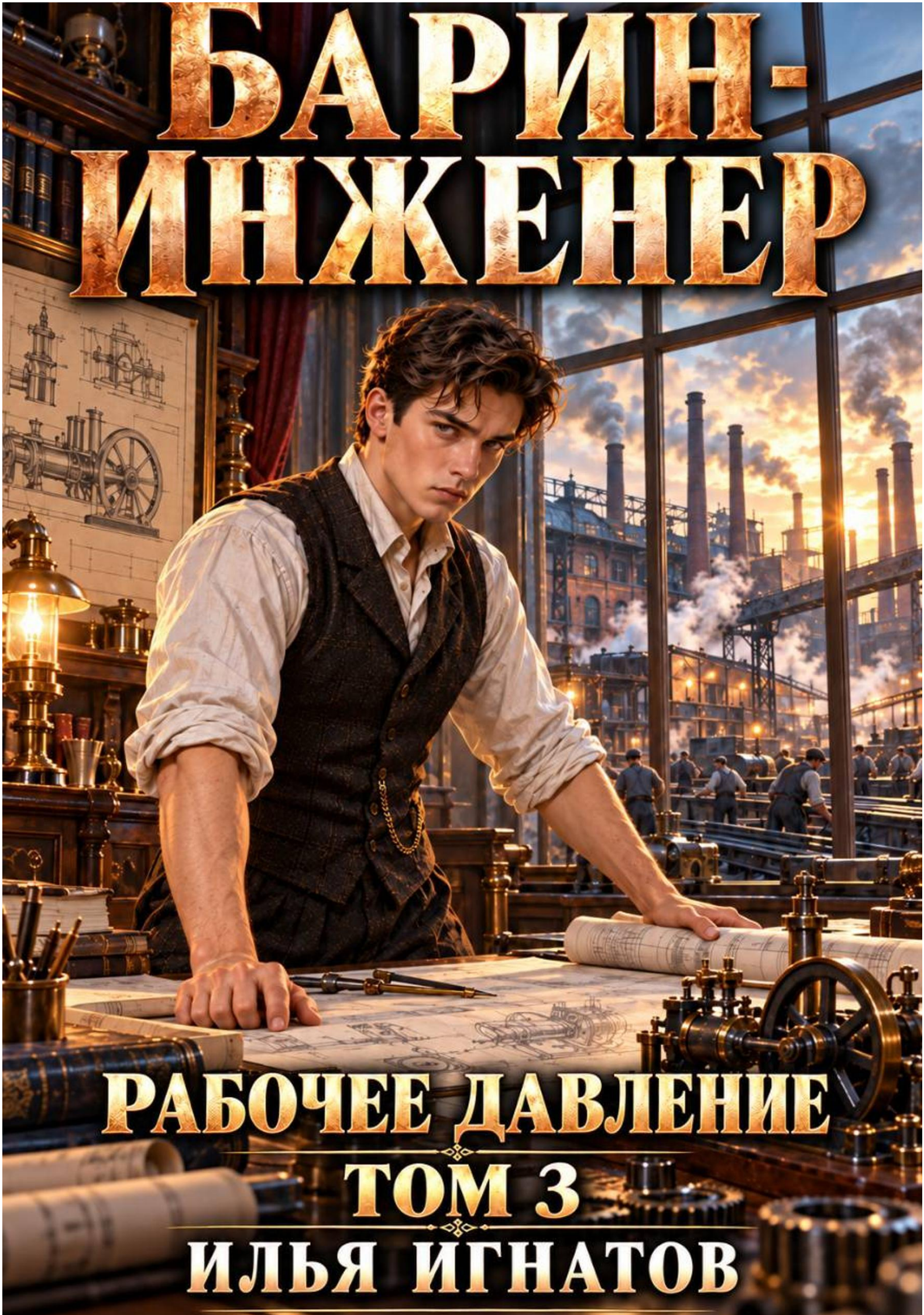
БАРИН-ИНЖЕНЕР

РАБОЧЕЕ ДАВЛЕНИЕ

ТОМ 3

ИЛЬЯ ИГНАТОВ

Илья Игнатов

Барин-инженер. Том 3. Рабочее давление

«Автор»
2026

Игнатов И.

Барин-инженер. Том 3. Рабочее давление / И. Игнатов — «Автор», 2026

Игнатовский завод снова работает. Насосы служат заказчикам, в цехе появляется второй станок, а вместе с новыми заказами приходит возможность расплатиться с долгами.Иван берётся наладить подачу сжатого воздуха в вагонных мастерских. Впереди — монтаж, запуск двух компрессоров и испытание под нагрузкой целой смены. Заказчик торопит: вагоны должны уйти вовремя. Но у завода есть и другие обязательства, опытных мастеров мало, а обещанные сроки всё чаще сходятся в одном дне.Инженерный опыт из прошлой жизни помогает Ивану разобраться с машинами. Теперь ему предстоит научиться руководить людьми, отвечать за собственные просчёты и доверять работу другим.А рядом — Софья, с которой он хочет связать будущее. Только для этого придётся рассказать о прошлом, в которое почти невозможно поверить.

© Игнатов И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Давление у дальней стены 5
Глава 2. Когда работают все 10
Глава 3. На двух станках 14
Глава 4. За что заплатит мастерская 18
Глава 5. Предложение без доли 21
Глава 6. Место за новым станком 24
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Илья Игнатов
Барин-инженер. Том 3. Рабочее давление

Глава 1. Давление у дальней стены

Молоток ударил три раза и захлебнулся. Клепальщик отпустил рычаг, посмотрел на недобитую головку и выругался с такой усталостью, будто разговаривал с ней весь последний месяц.

— Теперь обратно грей.

С другой стороны вагонной рамы высунулся человек с тяжёлой поддержкой в руках.

— Ещё попробуй.

— Сам попробуй.

Воздух продолжал шипеть внутри рукоятки. Короткий толстый корпус соединялся с резиновым рукавом. Клепальщик опустил его на деревянную подставку. Заклёпка темнела на глазах. Металл остывал, и осаживать головку становилось всё труднее.

— Вручную доберём, — сказал мастер, встретивший нас у ворот.

Он взял с подставки обычный молот, перехватил рукоять и встал к раме. Мы с Фёдором отступили за проведённую на полу черту. После нескольких тяжёлых ударов работа наконец пошла дальше. У мастера на шее выступили жилы.

Это было первое, что я увидел в Пристанских вагонных мастерских шестнадцатого июня. Вчера в нашем дворе ещё устанавливали арендованный токарный, а сегодня здесь четыре человека теряли время возле одной заклёпки.

Мастер вернул молот.

— Николай Саввич Титов. Вы Игнатов?

— Иван Алексеевич.

— Письмо от нас получили?

Я показал конверт. Накануне мы с Софьей предложили обследовать установку за сто восемьдесят рублей: посмотреть её в работе, найти причины перебоев и составить перечень переделок. Утром посыльный принёс согласие.

— Тогда пойдёмте к Виктору Андреевичу, — сказал Титов. — Вы на начало обеда попали. Сейчас половина людей уйдёт, и молоток опять станет исправным.

Фёдор посмотрел на инструмент.

— Когда меньше работают?

— Когда к нему никто не подходит. Очень исправная получается вещь.

Клепальщик поднял голову.

— Николай Саввич, с утра бы их.

— С утра завтра придут.

Человек кивнул и потянулся за клещами. Больше ни о чём не спросил. За ним стояла длинная вагонная рама; возле следующего поста двое рабочих ждали, пока освободится дорога для колёсной пары. Ждали молотка, материала, чужих рук. Недостаток воздуха был одной из задержек, но этой задержкой здесь успели объяснить почти все остальные.

* * *

Виктор Андреевич Зотов провёл нас в контору, где пахло нагретой пылью и свежим клеем. На стене висел календарь. Возле двадцать седьмого июля чернилами обвели число и написали: «Предъявление».

Управляющий заметил мой взгляд.

— Двадцать четыре вагона после ремонта. Товарищество их уже считает готовыми. Железная дорога пока ждёт.

— А вы?

— А я хочу сдать их в срок. Товариществу уже два раза писали, что задерживаем.

Он сел, придвинул наш ответ и поправил край жилета. Лет ему было около сорока. На столе лежали разобранные счёты, возле чернильницы — маленький деревянный конь с обломанной ногой. Зотов отодвинул игрушку, освобождая место для бумаги.

— Сын принёс. Просил починить. Здесь всё чинят, кроме того, что у меня на столе.

Я улыбнулся.

— Что известно по воздуху?

— Компрессор держит шесть атмосфер. В начале линии инструмент идёт. У дальней стены отказывается. Поднимем давление — на время лучше. Потом опять.

— До скольких поднимаете?

Он позвал Титова.

— До семи предлагали, — ответил мастер. — Я не дал. У старого воздухосборника табличка на шесть. Сейчас по тому манометру и держим.

Зотов выслушал без удовольствия.

— Вы сначала установку посмотрите. Может, у нас всё из-за одного крана.

— Может. Поэтому начнём с осмотра и измерений.

— За сто восемьдесят вы мне скажете, что нужно ещё обследовать?

— За сто восемьдесят вы получите заключение: почему встаёт инструмент и что с этим делать. Если дело в одном кране, так и напишу.

— На Северной ваши насосы стоят?

— Два.

— Мне говорили, вы оставляете запас и учите людей. Хороший порядок. Только здесь мне вода не мешает. Люди медленно работают, потому что инструмент ждёт.

Из-за окна донёсся короткий стук и затих. Зотов прислушался, сам того не заметив.

Мы подписали согласие на обследование. Фёдор переписал, кто сегодня дежурит у компрессора. Я попросил показать записи обслуживания и сведения о пневматическом инструменте.

— Все бумаги у Титова, — сказал Зотов.

Мастер покачал головой.

— Часть у меня. Новый инструмент вы через контору покупали.

Управляющий повернулся к шкафу. Достал папку, полистал и отдал служащему.

— Собери. Всё, что по воздуху.

Служащий унёс её, а Титов задержался возле двери.

— Только ночью смотреть смысла мало. Они у меня днём ругаются.

— Значит, будем днём.

Фёдор записал время. На Берёзовской мы следили за насосами ночью; здесь нужно было прийти в самый шумный час.

* * *

Компрессор стоял в отдельном помещении возле главного машинного зала. Большой маховик вращался спокойно, ремень шёл ровно. Воздух нагнетали поршни, и мерный стук клапанов слышался даже через стену. Под трубой, отводившей охлаждающую воду, темнел мокрый кирпич.

Машинист подождал, пока мы остановимся у ограждения.

— Проход справа. К ремню близко не надо.

Мы с Фёдором пошли справа. Машинист остался у ограждения и жестом показал, где остановиться.

Манометр показывал около шести. На стёклышке лежала пыль; машинист протёр его краем чистой ветоши.

— Вот, — сказал он. — Держит.

— Сколько инструментов сейчас работает?

— Обед же. Кто остался, тот работает.

На стене висел заводской лист с цифрами. Подача при указанном режиме была записана в объёме воздуха, который машина забирала снаружи. Я попросил копию. Фёдор начал переписывать.

— Изношен? — тихо спросил он.

— Наверняка кое-что изношено. Это пока не ответ, почему молоток останавливается.

Титов показал толстую трубу, уходившую через стену.

— Отсюда в главный цех, там к сверлильным. Дальше по двору, в клепальное. Ещё на кузницу отвели.

— Схема есть?

— Та, что до пристройки. Остальное покажу.

Мы вышли за ним во двор. Мастерские росли так, как обычно растут работающие предприятия: понадобилось место — построили навес, пошли заказы — закрыли навес стеной, купили новый инструмент — отвели к нему трубу. Старые стены сохранили все эти решения сразу.

Над дверью труба поднималась, возле столба спускалась, потом уходила вдоль кирпичной кладки. У одного ответвления стояла заглушка, у другого висел рукав с замотанным местом. Фёдор задержался возле шипения.

— Это закрыто?

— Должно быть, — ответил Титов.

Он позвал рабочего. Тот попробовал рукоятку и сказал, что кран давно пропускает, а инструмент пока сняли.

— Сколько давно?

— С весны. Новый заказали.

Титов посмотрел в сторону конторы. Я попросил Фёдора отметить место. На одном пропускающем кране объявлять причину всех бед было рано, но воздух отсюда действительно уходил в пустой двор.

У пристройки линия становилась тоньше. Старый участок продолжили тем, что нашли, потом снова перешли на большую трубу. Я остановился, поднял голову.

— Почему здесь такой размер?

— Между стеной и балкой другая не проходила. Пока так сделали.

Мастер произнёс «пока» без всякой уверенности. Сам знал, сколько оно уже длится.

Фёдор зарисовал переход и попросил показать, как попасть наверх для осмотра. Титов отвёл его к лестнице. Я остался во дворе, слушая шипение крана. Внизу, у стены, мальчишка собирал обрезки дерева в корзину. Заметив мой взгляд, старательно выбрал ещё один.

Под трубами стояли телеги, на гвоздях сушили одежду. Я отметил свободный проход: если здесь разбирать линию, придётся сначала освободить двор.

* * *

После обеда мы вернулись к раме. Клепальщик уже попробовал инструмент и теперь давал им короткие удары, выбирая момент между работой соседей.

Титов велел остановить пост и показал место для проверочного манометра. Приборы предстояло взять у Фомина и сперва сравнить между собой, иначе разницу показаний мы могли бы принять за потерю давления.

— Завтра принесём, — сказал я. — Один поставим здесь, второй у машины. Показания будем снимать одновременно.

— Яков, слышал? — спросил мастер.

Клепальщик кивнул.

— Только мне потом скажут: при вас работало.

— Запишем, при чём работало. Соседние посты тоже посмотрим.

— Тогда приходите, когда все берутся. Во второй половине дня у нас сверловщики начинают и кузница просит. Тут можно сидеть и ждать, пока у них кончится.

Фёдор поднял голову от тетради.

— Вы так и делаете?

— А что делать? Я деньги за готовую работу получаю. От воздуха кусок домой не унесёшь.

Я посмотрел на молоток. Его рукоять была затёрта ладонью до гладкого блеска. Рабочий умел пользоваться инструментом, знал капризы своей линии и приспосабливался к ним. А в ведомости против его имени, вероятно, стояла низкая выработка.

— Завтра к началу полной работы, — сказал я Титову. — И нужен человек у компрессора, которому доверяют передавать показания без поправки на желание начальства.

— Найдётся.

* * *

Обратно мы пошли пешком. Фёдор нёс ящик, я — листы. До завода добрались, когда Савельев уже выбирал место под инструмент для второго станка.

Сам станок стоял на подготовленном основании и выглядел почти своим. Слишком легко было забыть, что к нему ещё не присоединили привод, не проверили положение и не поставили человека.

— Воздух нашли? — спросил мастер.

— Он у них везде. Только не там, где платят за работу.

Савельев усмехнулся, взял Фёдоров рисунок и перестал улыбаться.

— Это после такого большого участка сужение?

— Да. Посмотрим под нагрузкой.

— Насосы с этой трубой уже проходили. Здесь воздух, конечно, другой разговор.

— Сначала сравним давление, — ответил я и отдал мастеру рисунок.

В конторе Софья подняла глаза.

— Договорились?

Я положил подписанный лист.

— Сто восемьдесят после обследования. Понадобятся два проверенных прибора и помощь с наблюдением.

Она записала. На краю её стола лежал расчёт, который мы закрыли вчера. Три тысячи восемьсот тридцать. Из них две тысячи двести двадцать пять банку, шестьсот людям. Свободная тысяча пять рублей выглядела скромнее нового станка.

— Фомин сможет дать приборы? — спросила Софья.

— Узнаю. Свою проверку тоже оплатим.

— Тогда пусть сначала назовёт, сколько.

Я уже направился к двери, но она окликнула:

— Иван. Ты сегодня ужинать дома будешь?

— Буду.

— Я у отца рисунок забрала. Хочу показать тебе и Марии Андреевне.

На столе возле её книги лежал узкий свёрток. Я раньше заметил бы его только в том случае, если бы он мешал расчёту. Теперь подошёл, спросил, можно ли посмотреть.

— Дома, — сказала Софья и убрала свёрток от моей руки. — Иначе опять скажешь, что хорошая работа, и побежишь к станку.

Она улыбнулась. Я договорился с Савельевым, кого завтра возьмём с собой, и вернулся за пиджаком.

У ворот Фёдор всё ещё переписывал схему. Возле дальнего поста он нарисовал маленький молоток.

— Чтобы помнить, с чего начали? — спросил я.

— Чтобы не забыть, где мерить, когда опять у машины всё хорошо.

Фёдор обвёл молоток карандашом. Я назвал время выхода и подождал, пока он уберёт лист: завтра мы должны были вернуться к Якову раньше, чем затрещит первый инструмент.

Глава 2. Когда работают все

Фомин поставил два манометра рядом, соединил с проверочной трубкой и спросил, какой нам больше нравится.

— Тот, который показывает правильно, — ответил я.

— Оба показывают. Пока лежат на столе, особенно хорошо.

Он повернул прибор к свету. На ободке виднелась вмятина.

— Этот роняли. Стрелка возвращается не совсем туда. На важную работу его не дам.

Взял другой. Мы находились в его маленькой мастерской, где на полках лежали инструменты столь же аккуратно, как у Савельева, но гораздо менее понятно постороннему. Я не стал ничего поднимать. Фёдор держал руки за спиной и смотрел так, словно попал в дорогую кондитерскую.

— На сутки? — спросил Фомин.

— Возможно, на двое. Нужны показания под нагрузкой и осмотр после остановки.

— За проверку, пользование и мой выезд будет сорок. Устанавливать будете с местным механиком. Я посмотрю первое сравнение.

С дорогой выходило пятьдесят рублей. Я согласился. Фомин записал номера приборов и предупредил, что проверяет манометры, а за сам компрессор не берётся.

— Компрессор знаете? — спросил он.

Я рассказал, что успел увидеть.

— Насосы знаете, но с этим компрессором к одному звуку не подступишься, — сказал он. — Понадобится разбирать — зовите того, кто такие машины чинит. Сеть осмотрите, конечно. Только и про саму машину не забудьте.

В прежней жизни я позвал бы своего механика по компрессорам. Здесь его у меня не было. Надо найти, пока осмотр не превратился в заказ, за который я возьмусь один.

* * *

Семнадцатого июня у Титова уже ждали. Яков положил молоток на подставку, его напарник сел возле рамы и ел хлеб.

— Нам весь день стоять? — спросил клепальщик.

— Работайте как обычно, — ответил я. — Остановим вас только на установку прибора.

— Писать легко.

— Поэтому Фёдор и будет писать. Вам инструмент держать.

Яков усмехнулся и уступил место слесарю. По команде Титова тот отключил участок, выпустил воздух и приготовил присоединение.

Фомин проверил установку. Второй манометр поставили возле компрессора. Старый хозяйский оказался немного оптимистичнее проверенного.

Машинист расстроился.

— Я его недавно протирал.

— Стекло стало чище, — согласился Фомин. — Механизм от этого не проверился.

Машинист нахмурился, но карандаш взял. Записал расхождение на полях журнала и ещё раз сравнил стрелки.

Мы сверили часы: Фёдор взял у Савельева, я носил отцовские, найденные Марией в ящике. Телефона между концами линии не было. У каждого прибора оставили человека с часами и договорились записывать показания в одни и те же минуты.

Титов дал нам молодого служащего, способного стоять у компрессора и не мешать машинисту. Сам пошёл со мной в дальнее отделение.

У рамы инструмент сначала работал прилично. Яков взялся за него без прежнего раздражения. Удары слились в частый ровный треск, напарник удерживал поддержку. Заклёпку

закончили, перешли к следующей. Я посмотрел на прибор. Давление уменьшилось во время работы и вернулось, когда рычаг отпустили.

— Видите? — сказал Титов. — Сейчас скажут, всё исправно.

Я кивнул Фёдору на часы.

— Записывай. Режим тоже.

Парень записал. На другом конце двора застучала дрель. Затем заработал соседний молоток, кузница открыла свой отвод. Стрелка у нашей рамы пошла вниз и на этот раз уже не вернулась к прежнему положению между двумя заклёпками.

Яков не смотрел на прибор. Почувствовал раньше нас.

— Вот теперь.

Молоток задробил реже. Рабочий переставил ногу, крепче подал инструмент, словно мог собственным плечом прибавить воздух. Титов остановил его.

— Хватит давить. Головку испортишь.

Яков отпустил рычаг.

Около четырёх атмосфер. Возле компрессора в ту же минуту оставалось почти шесть — это мы узнали, когда принесли второй лист. Теперь у нас было измеренное падение давления в сети. Отдельно предстояло выяснить, хватает ли подачи самого компрессора.

* * *

Зотов пришёл к обеду. Я показал ему строки, он посмотрел на прибор и попросил пустить только наш пост.

Яков повернулся к Титову.

— Нам опять остывать?

— На одну проверку, — сказал мастер.

Титов договорился с соседними мастерами о короткой остановке. Когда остальные инструменты стихли, молоток заработал лучше.

— Значит, можно очередность сделать, — сказал Зотов. — Пока одни клепают, другие готовят. Без новой трубы.

Титов потёр переносицу.

— Сейчас так и делаем. Потом вы спрашиваете, почему рамы не идут.

— Я спрашиваю, почему все стоят разом.

Я попросил показать сменное задание. Оно было составлено так, будто каждый пост может пользоваться воздухом тогда, когда ему нужно. Заготовительные работы и клёпка пересекались не полностью, но достаточно часто, чтобы очередь съедала день.

— Порядком можно уменьшить самые неудобные совпадения, — сказал я. — Только это надо считать по готовым изделиям. Если двое из четырёх постоянно ждут, исправной установкой её не назовёшь.

Зотов поджал губы и вернул сменное задание Титову.

— Хорошо. Дальше что?

— Посмотрим потери при остановленном инструменте и пройдём сеть. Сегодня нужно ваше разрешение на короткое отключение выбранных участков. Титов назначит время, чтобы людей не гонять туда-сюда.

Управляющий повернулся к мастеру.

— Дай ему время. Только запиши, сколько стояли именно ради них.

— Запишем, — ответил Титов.

Титов записал начало остановки и протянул журнал управляющему. Тот нехотя расписался.

* * *

Фомин уехал после сравнения приборов. Мы продолжили с местным слесарем. Проверяли по одному участку, оставляя работающим то, что не мешало наблюдению.

В старом рукаве обнаружилась утечка, которую рабочие прикрыли ветошью, чтобы не била в руку. Сам рукав лежал в таком месте, что через него переезжали низкой тележкой. На стене выше имелись два пустых крюка.

— Почему не подвесили?

— До следующей рамы не хватало. Взяли длиннее, а длинный тяжело снимать.

Титов заставил меня пройти рядом с рабочим и посмотреть, как тот перемещается. Изменить место подвеса оказалось возможно. Просто никто из покупавших рукав не держал его над головой в конце смены.

Возле кузницы слесарь снял кран, который пропускал в закрытом положении. Работу кузницы мы заранее остановили. Внутри нашлись следы давней неудачной притирки.

— Новый со склада есть? — спросил мастер.

— Чуть меньше.

Я представил, как к старому сужению добавляется ещё одно удобное исправление.

— Оставьте в перечне нужный размер. Похожий пока не ставим.

Титов кивнул. Фёдор отметил размеры, а затем сел рядом с проходом и начал сводить схему.

Я подошёл к нему через некоторое время. В его листе появились не только трубы, но и люди: кто работает в начале смены, какой инструмент нужен на завершающей операции, где посты могут требовать воздух одновременно.

— Ты весь цех считать собрался?

— Иначе мне скажут, что молотки разом не нужны.

Он показал две строки. Бригады почти одновременно заканчивали подготовку рам и брались за молотки. Развести их по времени можно было только ценой простоя одной из бригад.

— Оставь. Зотову покажем вместе с трубами.

Фёдор дописал время возле обеих строк и попросил Титова проверить. Мастер подсел к нему.

* * *

Вечером я вернулся к дальнему отделению один. Титов провожал мастера из соседнего цеха, Фёдор проверял, все ли приборы останутся под присмотром. Яков мыл руки возле ведра.

— Сегодня меньше сделали, — сказал он мне.

— Знаю. Из-за наших проверок тоже.

Он плеснул воду на запястья.

— Вы не обижайтесь. Николай Саввич говорил, вам за работу платят. Я просто на неделю считаю. День пропал — потом наверстать надо.

Я посмотрел на рамы. В прежней жизни после обследования мы писали, что потери производства за период наблюдений составили столько-то. Чужой вечер, который придётся отработать, помещался в маленькую цифру.

— По сегодняшней остановке время есть, — сказал я. — У мастера и у нас одинаковое. Скрывать не стану.

— Ладно.

Он вытер ладони и поднял мешок. Из мешка торчал край маленькой детской лопатки, сделанной из деревянного обрезка.

Яков забросил мешок на плечо и поспешил к проходной. Я проводил его взглядом: из-за нас он и без разговора задержался.

* * *

Восемнадцатого мы повторили наблюдение при другом сочетании работ. Цифры менялись, но общий рисунок сохранился. Когда инструмент работал один, ему хватало. Когда начиналась полная работа нескольких отделений, дальние посты теряли давление сильнее остальных. Без разбора компрессора уже можно было назвать несколько конкретных работ по сети.

Окончательный вывод о возможности расширения оставался открытым. На стене конторы висела новая схема расстановки оборудования, которую я вчера не видел. Зотов собирался прибавить ещё рабочие места.

— Это на нынешние двадцать четыре вагона? — спросил я.

— И на следующие. Там половина инструмента уже оплачена.

Я попросил копию. Заказчик уже оплатил часть нового инструмента — значит, проверять придётся и будущий расход воздуха.

После обеда Зотов выдал плату за обследование. Сто восемьдесят рублей легли в конверт. Наши расходы составили пятьдесят, оплата людям шла по текущей заводской ведомости. Софья вечером приняла деньги, сверила счёт Фомина и спросила, что именно заказчик получил.

Я разложил два листа показаний и схему.

— Здесь утечки и участки, которые душат поток. Предложим их исправить. А для новых постов надо ещё посчитать расход и проверить компрессор.

Она прочла. Подошла к окну, где было светлее, и несколько минут молчала.

— Здесь человек с молотком нарисован, — сказала наконец.

— Фёдор добавил.

— Оставьте в предложении. По нему даже я понимаю, зачем вам дальняя труба.

Софья отсчитала сто тридцать рублей, оставшиеся после расходов, и внесла их в кассу. Я сел рядом с черновиком предложения. Возле каждого отмеченного Фёдором места нужно было теперь поставить цену.

Глава 3. На двух станках

Павел обошёл новый токарный, посмотрел на место для ног и сказал:

— Если здесь корзину оставить, к рукоятке не подойти.

Савельев убрал корзину. Я хотел объяснить, что она стоит временно, но Павел уже примерял движение. Станок молчал, привод ещё не соединяли, и сейчас можно было без спешки узнать, где человек ударится локтем после пуска.

— Здесь лучше, чем у сверлильного, — признал Павел. — Только у меня заказ до вечера.

— Поэтому сейчас смотрим, — сказал мастер. — Учить начнём по часам. Своё закончишь.

Павел кивнул, провёл ладонью по рукоятке и вернулся к работе. Возле его станка лежали две готовые детали. По ним уже дважды приходил человек от заказчика, и Логинов не собирался снова прятать глаза ради нашего нового приобретения.

Второй токарный стоял правее большого, оставляя проход к сборке. При передаче Мокшин показал изношенное место направляющей: если каретка проходила его, размер мог уйти. Савельев выбирал для начала короткие детали, которые можно было обработать на исправном участке.

Мне нравилось смотреть на два больших станка рядом. Я всякий раз ловил себя на том, что мысленно уже распределяю между ними работу. Савельев тут же напоминал об износе, об инструменте и о том, сколько времени займёт обучение Павла.

— Колёса насосные здесь можно вести после проверки, — сказал он. — Крупные посадки не обещай, пока не попробовали. Мелочь, которую с большого снимем, сюда пойдёт.

— Сколько большого освободим?

Он назвал часы. Я записал.

— Это когда Павел сможет сам?

— Когда сможет сам. До этого я рядом стою.

Я вписал учебные часы отдельно. После слов князя о нашем единственном станке очень хотелось немедленно показать вдвое большую выработку. Савельев такого удовольствия мне не оставил.

* * *

Веденин прислал уточнение пробной закупки. Небольшие сменные части, которые его служба хотела держать для обслуживания местных машин. Перечень размеров, количество, условия осмотра. Ни слова о доле в предприятии.

Софья прочла, позвала Савельева и положила лист возле графика.

— Пятьсот сорок за всю партию, — сказала она. — Половина при заказе, половина по готовности. Материал обойдётся в сто девяносто. Из разницы ещё оплачиваем труд и заводские расходы.

Савельев отметил, что можно сделать на малых станках. Одну операцию предлагал оставить на большом, другую — впервые попробовать на арендованном после проверки.

— Для опыта чужой срок не возьмём, — сказал я.

— Тогда на большом, — ответил мастер. — У меня в расписании место оставлено.

Я посмотрел. Место действительно было. Неподалёку стояла подготовка станка, дальше — пополнение запасов Северной и небольшие текущие работы.

— К концу месяца успеваем?

— Если новую насосную партию туда не поставишь.

— Её нет.

— Вот я на это и рассчитываю.

Я усмехнулся. Софья попросила вписать точный день передачи Веденину. После этого отправила согласие.

Через несколько минут пришёл Фёдор с двумя письмами. Зорин интересовался наличием следующей партии запаса. Лобанов просил подтвердить, когда можно получить небольшие детали для обслуживаемых машин. Никто из них не сообщал об аварии. Насосы работали, а запас требовалось готовить до остановки.

— Северной ответим по наличию, — сказал я. — Лобанову назовём срок, когда разберём его перечень.

Фёдор уже составил перечень. Я взял оба письма и заметил у него на запястье красную полосу.

— Что это?

— Ручка ящика натёрла. Приборы тяжёлые, коробка другая.

— Завтра отдай ящик Степану Денисовичу. Сам листы понесёшь.

Фёдор нахмурился и прикрыл запястье рукавом.

— Я донесу.

— Я видел. Теперь нужно, чтобы ты ещё карандаш держал.

Он почесал затылок и согласился. Я позвал Кольцова: с тремя новыми заявками Фёдору предстояло чаще сидеть над чертежами, а переносить приборы мог и другой слесарь.

* * *

После обеда приехал мельник. Тот самый, что в апреле первым заплатил девятьсот за втулки и смотрел на наш завод как на имущество, от которого ещё можно получить пользу перед продажей.

Теперь он прошёл в цех, остановился возле нового станка и спросил:

— Разбогатели?

— Взяли в аренду.

— Значит, почти.

С ним был прежний механик в очках, со своей мерой. Он положил на верстак втулку подшипника от мельничной передачи. Отверстие заметно вытянулось с одной стороны.

— Посадка опять? — спросил я.

— Соседнее, — ответил механик. — Ваши апрельские стоят. Тут вал ещё от старого мастера. Хотим в начале июля остановиться и сделать без нового ожидания.

Савельев осмотрел. Для точного предложения нужно было снять дополнительные размеры на месте. Механик мог прислать их по нашему рисунку, затем мы изготовили бы деталь и подготовились к установке.

— Первые числа июля, — повторил мельник. — Я два дня отдам. Потом зерно идёт. Мне чужие поездки безразличны.

Фёдор поднял глаза. Он только что раскладывал на столе схему Пристанских мастерских.

Я попросил у Савельева время на обработку. Тот назвал, я посмотрел на будущую неделю. Пока всё помещалось. Наш завод нуждался и в таком покупателе: человек приносил понятную работу и платил за неё без рассказа о мировом рынке.

— Присылайте размеры, — сказал я. — До подтверждения цены и срока заказом не считаем.

Мельник кивнул.

— Хорошо. А то вы после падения всё осторожнее говорите. Я уже начинаю думать, что деньги возьмёте позже остальных.

— Деньги возьмём в обычном порядке.

— Ну, тогда совсем здоровы.

Он засмеялся, забрал механика и вышел. Савельев проводил их до ворот.

Я вписал мельницу в июльский лист. Белое место вокруг записи успокаивало. Сколько из него займут дорога, примерка и повторные замеры, мы ещё не считали.

* * *

Степан Денисович Кольцов вытирал руки возле сборки. Опытный слесарь ездил с Фёдором на Берёзовскую, знал наши машины и не пытался спорить с картой только потому, что её вёл молодой. На его левом сапоге поверх старого стоял новый каблук.

— Далеко завтра? — спросил он.

— К Пристанским. Приборы помочь перенести и местное присоединение посмотреть.

— Опять компрессор?

— Сеть. Внутрь компрессора пока не лезем.

— Хорошо. У меня старший на пароход устраивается, вечером надо к пристани. До конца дня вернёмся?

Я посмотрел на Фёдора. Тот кивнул.

— Присоединения местные делают. За ними наблюдаем и снимаем приборы. Успеем.

— Если возникнет новое, заранее скажем, — добавил я.

— До пяти вернёмся? — уточнил Кольцов.

— До пяти, — подтвердил я. Он сразу пошёл за ящиком.

Я попросил Фёдора показать ему полный рисунок. Парень начал объяснять. Через минуту они уже спорили, куда поставить ящик с прибором.

— Здесь ногой заденут, — сказал Кольцов. — У рамы вечно под ноги смотрят после того, как пошли.

Фёдор подумал и перенёс отметку. Мне оставалось найти человека на сборке, который будет разбирать текущий комплект, пока они уедут.

* * *

Корнеев сидел за столом у окна. Лампу мы переставили, как он просил. Нога лежала удобно, рядом стояла вода. Пётр сравнивал бирки с листом и вполголоса ругал две похожие буквы.

— Я тут вас попросил крупнее, — сказал он, заметив меня. — Сделали крупнее, а место с числом оставили мелким.

Я посмотрел. Он был прав.

— Фёдору скажем.

— Я уже сказал. Он переделает. Только у него руки до всего одни.

На другом столе Митя раскладывал крепёж. Клал аккуратно, пересчитывал, снова пересчитывал. После истории с контрольным приспособлением он научился сомневаться, но ещё не научился делать это вовремя.

Корнеев показал ему пустое место.

— Сюда пока не клади. Тут по листу другое.

— Я знаю.

— Тогда зачем держишь над ним?

Митя убрал ладонь, посмотрел на бирку и выбрал соседнее место. Я оставил их вдвоём, предупредив, что окончательно комплект примет Фёдор. Пётр положил проверенную бирку отдельно и потянулся за следующей. Митя подвинул к нему коробку, чтобы не приходилось вставать.

У конторы меня остановила его жена. Принесла тонкую накидку.

— Он опять до самого конца сидеть захочет, — сказала она.

Я посмотрел на часы.

— Через двадцать минут закончит. Покажу Фёдору, что осталось на завтра.

— Самому скажите. Меня он уже не слышит.

В её голосе было столько обычного семейного раздражения, что я невольно улыбнулся. Ещё месяц назад у двери палаты она боялась спросить о завтрашнем дне. Теперь сердилась на мужа, который слишком долго задерживается на работе.

* * *

Вечером Софья принесла заявку на материал для Веденина. После платы за обследование денег хватало; я подписал бумагу, и она передала её посыльному.

— Ты мельнику что сказал? — спросила она.

— Посчитаем по размерам. Пока ничего не приняли.

— Хорошо. Место в календаре оставь карандашом.

Я так и сделал. Возле будущего ремонта поставил небольшой вопрос. Рядом с Пристанскими — второй. В конце месяца стояли уже существовавшие обязательства, и стирать их ради новой надежды было нельзя.

Софья снова открыла свёрток с рисунком. Позавчера за ужином мы успели только развернуть его на краю стола. Теперь она отодвинула мои бумаги и расправила лист целиком. Мелкие листья соединялись в орнаментальную ленту.

— Давно рисовала?

— Давно. Мне тогда казалось, что буду для тканей рисовать.

Я наклонился ближе. У одного листа на краю стёрли карандаш и заново вывели линию. В соседнем завитке линия получилась тоньше. Я провёл пальцем рядом с ней, стараясь не задеть карандаш.

— Почему бросила?

— Не бросила. Просто считала больше, чем рисовала. Вот забрала. Попробую ещё.

— Где хочешь устроиться?

Она засмеялась.

— У себя за столом, Иван. Иногда можно хотеть делать вещь, не продавая её завтра.

Я посмотрел на июльский лист с двумя вопросами и отложил карандаш.

Софья свернула рисунок, и мы пошли домой. У ворот Митя договаривался с Кольцовым, как утром понесут ящик. Я пожелал им доброго вечера и придержал калитку для Софьи.

Я нёс тонкий свёрток осторожнее, чем сегодняшние чертежи. Хотелось довезти его без нового сгиба и дома рассмотреть ту стёртую линию, которую Софья всё-таки провела заново.

Глава 4. За что заплатит мастерская

Зотов выслушал цену и подошёл к окну.

— Тысяча восемьсот шестьдесят за то, чтобы воздух дошёл по моей трубе.

Я не стал поправлять его сразу. Титов стоял возле стола, держал снятый неисправный кран. На полу остался мокрый след от его сапог: по дороге в контору мастер заходил к водоразбору.

— Здесь новая арматура, замена повреждённых рукавов и нескольких участков, — сказал я, когда управляющий повернулся. — Существующие исправные трубы остаются. Работы выполняем по отделениям. Потом проверяем полную нынешнюю нагрузку.

— А расширение?

— Его будем считать после ремонта. Тогда увидим, что остаётся от подачи компрессора. Все новые посты на старую сеть я пока не подключу.

Зотов взял лист с рисунком молотка.

— Мне после этих денег скажут, что ещё столько же нужно?

— За эти деньги заработает нынешний инструмент. Чтобы добавить новый, может понадобиться ещё и машина. Это другой заказ. Его цену вы узнаете до начала работ.

Он помолчал. Из ящика стола вынул счёт на инструмент, сравнил две суммы. Хороший новый молоток стоил заметно дешевле всей сети, которую требовалось сделать пригодной для него.

Титов положил кран на чистую подкладку.

— Этот новый молоток у Якова тоже голодать будет, Виктор Андреевич.

Управляющий вздохнул.

* * *

Мы вышли осмотреть места переделок. У кузницы Титов показал запорный кран: здесь можно отсечь ветвь на время ремонта. Возле дальнего участка нас остановил кладовщик.

— Здесь леса поставим — тележкам не пройти.

— На сколько? — спросил Зотов.

Местный слесарь прикинул. Кольцов посмотрел на высоту, потом на проход.

— Два раза переставлять дешевле, чем запереть весь день. Одну сторону сделаем, уберём. Следом другую.

Работы прибавлялось, зато проезд оставался свободен. Титов записал, кого выделит на подъём и крепление труб. Мы должны были привезти детали соединений, помочь с подгонкой и проверить сборку. Всю линию силами нашего завода не смонтировать.

У Якова лежали два рукава. Новый, короткий, он держал отдельно.

— Этот почему не ставите?

— До половины рамы достаёт. Потом опять переносить всё. Длинный хоть ногами можно обойти.

Кольцов попросил подержать пустой инструмент без подачи воздуха. Они прошли вдоль рамы и выбрали место подвеса. Яков сперва ругался на предложение, потом сам показал, как вывести петлю, чтобы не тянула кисть в конце движения.

— Вот так оставите — можно, — сказал он.

Фёдор перенёс на схему место подвеса. Яков ещё раз провёл молоток вдоль рамы и кивнул Зотову.

— Это тоже входит? — спросил управляющий.

— Перенести подвес входит, — ответил я. — На всю переделку поста здесь денег нет.

Зотов прочёл новую строку в перечне и поставил рядом отметку.

* * *

В контору вернулись перед обедом. Зотов попросил оставить Титова и закрыл дверь.

— У меня люди после проверки уже спрашивают, как считать день, — сказал он.

Мастер посмотрел на меня. Я достал записи остановок.

— Вот время, на которое отключали ради обследования. С вашим экземпляром совпадает.

— За это заплатим. Но и за вчерашнее ожидание воздуха требуют. Я установку вам ещё не заказывал, а расходов прибавилось.

Титов ответил раньше меня:

— Они и до них ждали. Только теперь по часам знают сколько.

Зотов сел. Некоторое время разглядывал деревянного коня, который я заметил в прошлый раз. Потом спросил:

— Если ремонт сделаем, сколько выработки прибавится?

Я вспомнил рамы без заготовок и тележку, которую утром ждали у прохода. Пневматикой этих задержек не убрать.

— Проверим все нынешние посты в работе, без очереди за воздухом. Сколько вагонов это даст, лучше скажет Титов. Вчера у него ещё и заготовки задержались.

Управляющий посмотрел на мастера.

— Сможем график держать?

— Если инструмент перестанет вставать, свою часть держать сможем. На всё товарищество я за вас не подпишусь.

Я ожидал резкого ответа. Зотов только кивнул и сделал пометку. Похоже, в такой форме они разговаривали давно.

Мы согласовали тысячу восемьсот шестьдесят. Половина после подписания, половина после проверки восстановленной сети к двадцать девятому июня. Остановки выбирали заранее, местных людей назначал Титов. Участки, где нельзя было продолжать работу рядом с монтажом, должны были освобождать полностью.

Софья приехала с окончательным расчётом, когда основное уже обсудили. Прочла записанное, спросила, кто примет материалы, и задержалась на слове «расширение» в конце листа.

— По новым постам вы пока просите предложение, — сказала она. — Срок их пуска в этот договор не входит.

Зотов поднял голову.

— Мне нужно к июльскому предъявлению.

— Укажем, что вам нужно к этому дню. Обещать его сможем, когда получим цены и сроки поставщиков.

Он сердито взял перо, потом отложил.

— Вы все так осторожно торгуете?

— После первых удачных разговоров — осторожнее, — ответила Софья.

Я опустил глаза, пряча улыбку. Зотов заметил, хмыкнул и подписал.

* * *

Девятнадцатого июня девятьсот тридцать рублей поступили в банк. Софья передала подтверждение, Савельев получил согласованный материал и начал распределять обработку.

Савельев начал с соединительных деталей и креплений. Краны и рукава брали готовыми. Титов прислал расписание остановок и список слесарей; Фёдор прикрепил его к чертежу.

Фёдор смотрел на график и водил пальцем между датами.

— Двадцать пятого здесь люди нужны, — сказал он. — А у нас проверка станка и комплект дома.

— Проверку начнёт Григорий Петрович. Комплект Корнеев сведёт, потом ты примешь.

Парень подумал.

— Кольцов со мной?

— На первые присоединения. Потом с местными продолжишь. У них своя бригада.

Фёдор поставил свою фамилию против обеих приёмок.

— Вернусь с Пристанских и посмотрю, — сказал он.

Я подтвердил. Время его возвращения мы оставили приблизительным.

* * *

Мария ждала нас к ужину с гостем. За столом сидела пожилая женщина, державшая маленькую коробку с фотографиями. Мать представила:

— Вера Ивановна, помнишь? Она с нами в поездке была.

Я не помнил. Мария заметила, поправилась:

— Мы ездили ещё при Алексее. Она принесла снимки.

Вера Ивановна не стала испытывать мою голову. Сказала, что я очень вырос, и тут же поймала себя на странности этой фразы: с последней встречи прошло меньше года. Посмотрела смущённо. Я попросил показать фотографии.

На одной Алексей Николаевич стоял у деревянной ограды с огромной шляпной коробкой. Рядом Мария смеялась, прикрывая лицо рукой.

— Это та самая? — спросил я.

Мать кивнула.

— Я же говорила, прятал всю дорогу. Вера заставила сфотографироваться, пока не выбросил коробку.

На другом снимке отец держал в руках удочку. Леска запуталась в кусте за его спиной, а он, судя по довольному лицу, этого ещё не знал.

Я смотрел дольше, чем следовало для простого знакомства. В заводских бумагах Алексей был человеком, который оставлял нерешённое на следующий большой заказ. Здесь он был смешным, немного растерянным мужчиной, пытавшимся порадовать жену.

Софья сидела рядом и рассматривала карточку через моё плечо.

— Похожи, — сказала Вера Ивановна.

Я поднял голову.

— Иногда у Ивана такое же лицо, когда его от мыслей отрывают, — пояснила она.

Мария рассмеялась. Софья отвела глаза к тарелке, но плечи у неё дрогнули.

— Не иногда, — сказала она.

Я тоже засмеялся. Поездки я не помнил, а привычку хмуриться на тех, кто отвлекает, они успели заметить уже за эти месяцы.

После чая Мария попросила найти место для принесённых фотографий. Я держал рамку, она выбирала место. Софья спорила, что рядом с печью бумага потемнеет.

Вера Ивановна рассказала ещё одну историю — про Алексея, который забыл в гостинице сапог, а потом убеждал всех, что его украли. Мать фыркнула.

— Один сапог, представляешь. Какая избирательная воровская шайка.

Я поднял рамку чуть выше. Получилось ровно. Мария отступила, посмотрела и поправила её на толщину пальца.

Вера Ивановна подала вторую рамку. На обороте выцветшими чернилами стояли место и год съёмки. Я спросил, сколько тогда было Марии, и мать принялась считать, загибая пальцы. К договору я вернулся уже после чая.

Глава 5. Предложение без доли

Бекетов написал, что будет ждать меня в чайной у почты с одиннадцати до полудня. Записку передали утром двадцатого. Я прочитал и положил рядом с письмом Зорина.

Зорин писал, что разбор закончен. Запас вывез Трошин; разрешения шахты на это не было. Торговый дом возместил расходы и запретил своим людям получать имущество без подписи шахтного механика. Доказать, что приказ исходил от Бекетова, не смогли. Что будет с Трошиным, в письме не сообщалось.

Зорин добавил от себя: «Запас на месте. Человек на склад больше не ходит. Корнееву передайте, вечером зайду».

Я отнёс письмо Петру. Он прочёл, попросил копию и положил рядом с бирками. Затем осторожно передвинул больную ногу на опоре и взялся за следующий комплект.

— Пойдёшь? — спросила Софья, когда я вернулся.

— В чайную пойду. В цех пока приглашать не хочу.

Она кивнула, не предлагая мне ни простить, ни наказать. Дала свою копию шахтного письма.

— Чтобы разговор не начался с того, что тебе опять только кажется.

* * *

Леонид Аркадьевич сидел возле окна. На столе стояла остывшая чашка, рядом лежали перчатки. Без дорогой папки и человека за спиной он выглядел почти так же, как раньше. Только теперь вставать навстречу ему никто не торопился.

— Благодарю, что нашли время, — сказал он.

Я сел.

— Вы хотели о покупателях поговорить.

— Хотел. Сначала всё-таки о Северной. Я не приказывал вывозить ваше имущество.

— Имущество шахты.

Он помолчал.

— Разумеется. После передачи — шахты.

Я положил письмо на стол. Бекетов прочитал, провёл пальцем по краю бумаги.

— Это соответствует результату, который мне сообщили.

— Тогда дальше.

Он поднял глаза. Возможно, ожидал вопроса, который позволил бы объясняться дольше.

— Вижу, вы не расположены.

— Я приехал услышать конкретное предложение.

Бекетов назвал несколько предприятий в другом уезде. Там требовалось оборудование для небольших подъёмов воды. Он знал управляющих, условия дороги и людей, которые принимали решения. За посредничество хотел получить оговорённую часть состоявшихся продаж.

Имена я знал по переписке. Бекетов действительно мог свести нас с этими людьми. В апреле за такую возможность я ухватился бы сразу.

— Кто отвечает за обещания до нашего осмотра? — спросил я.

— До согласования вы ничего не обязаны.

— А покупателю вы как нас представляете?

Он назвал формулировку. В ней Игнатовский завод уже обслуживал большой район и мог предложить устойчивую поставку машин по выгодным условиям.

Я посмотрел на его чистые перчатки.

— У нас пять насосов у двух покупателей. Есть модели для повторной отливки и второй станок, который ещё не пустили. Район мы пока не обслуживаем.

— Для начала разговора это допустимое обобщение.

— Для начала моего следующего объяснения — тоже.

Бекетов отодвинул чашку.

— Иван Алексеевич, вы не продадите всё одним перечнем того, чего у вас нет.

Я не стал спорить. Именно с таких обещаний и начинались заявки на запас, которого потом не оказывалось у шахты.

Я отказался от совместной работы. Сказал это прямо, не прикрываясь будущей загрузкой.

— Из-за истории, в которой моего приказа не нашли? — спросил он.

— После той истории я вам не доверяю. Отсутствие доказанного приказа не обязывает меня доверять снова.

Он долго смотрел на меня. За соседним столом звякала ложка о стакан.

— Вы когда-нибудь сами поручите человеку больше, чем он правильно поймёт, — сказал Бекетов наконец.

Я вспомнил закрытое замечание на старом испытательном стенде. Бекетов не мог знать, куда попал.

— Уже поручал, — ответил я. — Поэтому не считаю это оправданием.

Встал, положил деньги за свой чай. Бекетов не проводил меня до двери. На улице я некоторое время стоял возле почты, не чувствуя никакой победы. Отказаться от сомнительного человека оказалось легче, чем перестать хотеть его полезных знакомств.

* * *

Веденин ждал на заводе после обеда. Он пришёл осмотреть первые заготовки пробной партии и уточнить, где будет проходить приёмка.

— Леонид Аркадьевич к вам обращался? — спросил он, когда Савельев ушёл за чертежом.

— Обращался. Совместной работы не будет.

— Теперь он действует от себя, — сказал Веденин. — От имени дома ему покупателей обещать нельзя. Но искать собственную работу мы ему не запрещаем.

— Вы уже со мной торгуете. Давайте по этой партии.

Мы вернулись к заказу на пятьсот сорок рублей: половину дом перечислял сейчас, остальное после приёмки. Веденин сверил перечень, а Савельев показал пробную деталь. Они договорились осмотреть всю партию до упаковки, чтобы подгонять её пришлось у нас, а не на складе покупателя.

Простой деловой разговор удивил меня сильнее, чем хотелось признавать. С домом мы уже успели спорить о заводе, рынках, металле и праве продавать свои насосы. Теперь обсуждали несколько деталей, за которые нам собирались заплатить.

* * *

В конторе Веденин заметил рисунок воздушной сети.

— Пристанские? — спросил он.

— Да.

— Зотов смотрел у нас большую машину на замену. Привезти можно, но помещение придётся готовить заново. Если только на нынешнюю установку смотрит — дороговато.

— Он и расширение готовит.

— Тогда большая машина может понадобиться.

Я попросил его пока не убирать расчёт. Новые молотки уже покупали, и после устранения утечек подачи всё равно могло не хватить.

— У вас есть специалист по таким установкам? — спросил я.

Веденин назвал Чернова.

— Василий Фомич. Ведёт наши поршневые машины, запуск и осмотры. Может посмотреть существующую. За отдельную оплату и по определённому перечню.

— Не только показать, почему нужно купить новую?

— Если станет браковать исправное ради продажи, больше к заказчикам не поедет. Мне с ними потом работать.

Софья, сидевшая рядом, подняла глаза. Я видел, что ответ ей понравился. Мне — тоже, хотя верить целиком предстояло по результату.

Мы договорились передать Зотову цену осмотра. Платить за него должны мастерские: в наши тысячу восемьсот шестьдесят входил ремонт сети.

Перед уходом Веденин спросил о втором станке. Я показал подготовленное место.

— Сроки добавляете? — спросил он.

— Людей учим.

— Это дольше.

— Уже заметили.

Он рассмеялся, подписал согласование пробной партии и ушёл. На следующий день Софья получила подтверждение двухсот семидесяти рублей. Заказ был небольшим, со знакомыми операциями и определённым сроком. Именно такую работу мы могли выполнить сейчас.

* * *

Вечером Савельев позвал меня к станку. Он поставил на стол старый чертёж и показал место, которое Осип предлагал изменить в следующей отливке.

— Здесь на модели можно снять лишнее. Чугуна меньше нальётся, нам меньше точить. Сначала на одной отливке попробуем.

— Когда?

— После текущего. Лебедев время назовёт. Нам раньше понять, сколько это даст.

Я подвинул чертёж под лампу. Если убрать наружный припуск, обрабатывать будет быстрее. Но сначала надо проверить, останется ли где зажать корпус.

Савельев записал вопрос для Осипа. Рабочие размеры мы оставляли прежними: запасные части должны подходить ко всем пяти уже установленным насосам.

Савельев прикрепил лист возле своей полки. Я уже собрался уходить, когда он спросил:

— А в чайную зачем ходил?

— Бекетова слушал.

— Ну?

— Работы не будет.

Мастер кивнул. Потом долго искал в кармане очки, нашёл на голове и выругался.

— Вот с этим бы кто разобрался. Второй день на том же месте теряю.

Я засмеялся. Он тоже. Мы погасили свет над станком и вышли во двор, где Кольцов ждал Фёдора, чтобы вернуть выездной ящик на место. Тот спорил с Митей о количестве подкладок, но при нас замолчать не попытался.

— Одну не выкинул, — объяснял парень. — Она в дороге раскололась. Надо новую сделать.

Митя поднял два куска.

— Так я же склею.

— Для этой тяжести новую. Эту на коробку оставь.

Митя примерил обломки, вздохнул и отложил их. Кольцов взял целую доску, и они с Фёдором понесли ящик к стене. Я подождал, пока освободится проход, и вышел за ворота.

Глава 6. Место за новым станком

Мокшин принёс с собой заготовку, которую я сперва принял за образец износа. На ней было столько старых следов, что любая новая ошибка могла затеряться среди прежних.

— Для начала подойдёт, — сказал он. — Жалко будет, ученики от страха к ней не притронутся.

Павел стоял рядом с Савельевым. Митя уже выбрал место, откуда хотел смотреть, и получил распоряжение отойти к обозначенному проходу.

К станку наконец подвели привод. Савельев проверил смазку, крепления и ограждение. Мокшин держал лист с замечаниями, которые мы записали при получении машины. За помощь при пуске и занятия с Павлом мы платили ему отдельно от аренды.

— Не нравится что — говорите сейчас, — сказал Тимофей Артемьевич. — После того как неделю поработаете, тоже говорите. Только покажите, что именно.

Савельев ещё раз обошёл станок и кивнул человеку у привода. Станок пошёл без детали. Мы наблюдали, затем остановили и повторили осмотр. Мокшин стоял спокойно, следя больше за нашими лицами, чем за железом.

— Выдохни, — сказал он Павлу. — Пока от тебя ничего не крутится.

Логинов хмыкнул.

* * *

Савельев показал, как закрепить заготовку. Мокшин придвинул лампу и указал, с какой стороны удобнее подвести резец на его станке. Некоторое время они спорили о мелочах, потом подозвали Павла.

Павел слушал внимательно. Вопросы задавал короткие, иногда неприятные.

— Если ручку обратно подать, насколько потеряю?

Мокшин повернул рукоятку: сперва она прошла вхолостую, затем суппорт сдвинулся. Павел наклонился, наблюдая за резцом.

— Вот откуда подходить, — сказал владелец. — И мерить после. Память руки вместо меры не ставь.

Павел попробовал движение на остановленной машине. Потом повторил и попросил ещё раз показать установку резца.

Я смотрел и вспоминал, как сам впервые стоял возле токарного. Преподаватель тогда говорил медленно, будто любая подробность была ему в тягость. Легче от этого я ничего не понимал. Мокшин объяснял без торопливости, но после каждого объяснения просил Павла сделать следующий шаг самому.

Савельев один раз начал поправлять раньше, чем тот закончил. Мокшин придержал его за рукав.

— Он ещё не ошибся.

Мастер убрал руку. Павел закончил, посмотрел на обоих.

— Так?

— Так. Теперь проверяй.

Савельев выбрал короткий участок для пробного прохода. До обеда Павлу предстояло научиться закреплять эту заготовку, подводить резец и измерять полученное.

* * *

К полудню пробная поверхность вышла хуже, чем Павел ожидал, и лучше, чем он боялся. Он промерил, нахмурился и позвал Савельева.

— Здесь разница.

Мастер посмотрел измерение.

— Вижу. На этой заготовке дальше не гоним. Разбираемся.

На поверхности осталась рябь; размеры у концов обработанного участка различались. Савельев проверил закрепление, а Мокшин вернулся к месту, где каретка проходила изношенную направляющую. Следующую пробу решили сделать короче.

Я взял график. Несколько свободных часов, на которые надеялся, остались в будущем.

— Если под эти детали, — сказал я, — большого сейчас не разгрузим?

— Под эти — позже, — ответил Савельев. — Под другую мелочь разгрузим. Ты сразу хочешь всё, что ему понравилось, на эту машину переложить.

Он указал на Мокшина. Тот засмеялся.

— Я и свою цену тогда поднять должен. Вдруг он ещё за нас торговать начнёт.

Павел тоже улыбнулся. Напряжение у него с лица сошло, и он попросил приготовить следующую пробную установку.

Перед обедом Логинов вернулся к сверлильному. Савельев пошёл к отложенной сборке и позвал меня: из-за занятия её сдвинули на час. Я поправил график. Пока у Павла не получалось самому, считать токарный свободным было рано.

* * *

Мокшин остался пообедать. Мария прислала на завод еду в большой кастрюле, и мастер пригласил владельца станка за наш стол во дворе.

Тимофей Артемьевич ел медленно, разламывая хлеб на маленькие куски. Я спросил про брата. Он посмотрел на меня, потом на кастрюлю.

— Лучше. Но в мастерскую пока не вернётся. Сам выхожу — он уже начинает решать, что сегодня можно без меня поднять.

Савельев покачал головой.

— Вот потому и двери закрывать надо.

— Закрой так, чтобы больной не обиделся. Он же хозяин, ему все двери открывать положено.

Я засмеялся вместе с ними и заметил, как оба посмотрели на меня. Не с упрёком. Просто в разговоре нашёлся ещё один подходящий человек.

Мокшин рассказал, что по вечерам учится готовить кашу. Брат уверял, будто на женской половине всё делается само, но после первой сгоревшей кастрюли признал необходимость наблюдения.

— Я ему говорю: у тебя котёл тридцать лет шёл, а маленькую кастрюлю оставил. Он отвечает: котёл громче ругается.

Савельев смеялся так, что пришлось снять очки. Я давно не слышал от него такого смеха. Обычно в цехе от него слышался только короткий хмык.

Потом Мокшин спросил о следующих занятиях. Мы договорились на утро двадцать четвёртого. Он мог приходить в определённые дни, по предварительной договорённости. Оставаться возле станка до ночи, пока нам не станет спокойнее, не обещал.

Я обвёл двадцать четвёртое и подписал час начала.

* * *

После обеда пришёл приказчик из Пристанских. Привёз уточнение местного монтажа. Титов просил Кольцова на день раньше: их слесарь уходил на другую работу, желательно было успеть вместе снять размеры соединений.

Я посмотрел на расписание. Кольцов в тот день должен был помогать у нового станка, пока Савельев принимает первую часть деталей Веденина.

— Один день сдвигается? — спросила Софья.

— Часть. Фёдор сможет со сборки снять.

Она подняла глаза.

— Он сможет или мы хотим, чтобы смог?

Я вышел в цех. Фёдор сидел возле Мити и показывал, как готовить следующий комплект. Корнеев ждал приёма предыдущего. У Савельева была отложена деталь, по которой требовалось решение.

Каждое дело было небольшим. Я спросил Фёдора о завтрашнем времени. Он перечислил своё и предложил поменять порядок.

— Если Корнеев этот доведёт, я приму к вечеру. Утром с Кольцовым поедем. Мите пока подготовку оставлю.

Мы согласовали. В этот раз всё ещё могло сойтись без потери срока. Я вернулся к Софье и объяснил, как именно.

Софья попросила дописать, сколько времени Фёдор проведёт с Митей и сколько займёт приёмка у Корнеева.

— Пока у нас они везде маленькие, — сказала она. — К вечеру из маленьких набирается большой день.

Я поставил время. Потом убрал с июльского листа ещё одну работу, которую только собирались предложить. Не было ни обещания покупателю, ни аванса, и отказаться от неё сейчас стоило совсем немного.

* * *

Вечером Павел подошёл к новому станку. Мокшин уже ушёл, привод был остановлен. Логинов провёл пальцем по пробной поверхности, взял свою запись и снова посмотрел размер.

— Научиться хочешь? — спросил я.

— Хочу. Только сверлильный мне пока тоже оставить надо. Я здесь ещё медленно буду.

— Знаю.

— Чтобы потом не получилось: у нового стоял, старое не сделал, за два станка виноват.

Мы подошли к Савельеву. Он передал Кольцову часть сверлильных работ, остальные оставил Павлу. На время занятий принимать их должен был сам мастер.

— За новые обязанности посчитаем, когда сможешь их делать в работе, — сказал я Павлу. — Учебные часы сейчас входят в смену. Вечерами бесплатно догонять не нужно.

Логинов посмотрел на пробную заготовку.

— Тогда завтра ещё попробую.

— Завтра свои заканчиваешь. На занятие двадцать четвёртого.

Логинов записал дату в угол своего листа и убрал его в карман.

У ворот его ждал мальчишка с пустой корзиной. Павел взял у него ремень, посмотрел, где разошёлся шов, и покачал головой.

— Опять набрал больше, чем унесёшь.

— Я на тележке вёз.

— До тележки тоже сам грузил?

Мальчишка помолчал. Логинов заметил меня.

— Старший мой. За крупой посылали. Теперь мать скажет, что я корзину плохо починил.

Я поздоровался. Парень ответил, потом посмотрел через открытые ворота на станок. Отец сразу велел оставаться у прохода.

— Я оттуда вижу, — сказал сын. — Это вы на нём теперь работать будете?

Павел кивнул не сразу.

— Учусь пока.

Мальчишка удивился. Отец заметил и чуть выпрямился, будто готовился защищать своё право не знать. Потом, напротив, расслабил плечи.

— А что? Ты думаешь, если я давно хожу, уже всё умею?

— Вы же мастер.

— У сверлильного своё умею. Здесь другое. У того человека и спрашиваю, кто знает.

Он указал в сторону Савельева. Сын ещё раз посмотрел на машину. Мне было любопытно, что именно он видит: большое колесо, ровную станину, блестящие рукоятки. Когда-то Максим так же стоял у ограждения и был уверен, что отец понимает всё, что способно вращаться.

Я предложил показать станок. Привод уже остановили; мы прошли до ограждения, за которым убирали инструмент. Я показал мальчику заготовку и резец, а Павел принёс свою пробную деталь.

Мальчишка слушал, потом спросил:

— А если сразу ровно сделать?

Павел хмыкнул.

— Я сегодня тоже хотел.

Показал свою пробную деталь. Сын повертел её, нашёл знакомую гладкую поверхность и спросил, где неправильно. Отец взял меру и приложил к разным местам: здесь она садилась плотно, дальше оставался зазор. На глаз поверхность казалась ровной.

— Так чего же, — сказал мальчишка, — и без неё подойдёт, наверное.

Павел посмотрел на меня, затем ответил сам:

— Для чего-нибудь подойдёт. А к работе надо то, что заказали. Иначе человек потом время потеряет, пока мы тут радовались.

Павел ещё раз приложил меру. Мальчик наклонился ближе, проверил зазор пальцем и наконец кивнул.

Мальчишка вернул деталь, ещё немного посмотрел и пошёл с корзиной к воротам. Павел задержался со мной.

— В ученики тоже просится, — сказал он. — Я пока не пускаю. Пусть доучится, сколько решили. Здесь успеет постоять.

— Не хочешь к станку?

— Хочу, чтобы мог выбрать. Я-то маленьким пришёл, куда сказали. Потом стало получаться, и остался. Ничего плохого, только другого почти не видел.

Он говорил без жалобы. Я спросил, что сам хотел бы увидеть. Павел подумал, неожиданно рассмеялся.

— Как поезд до конца идёт. Всё возле станции работаем, а я дальше соседнего уезда не ездил. Глупо?

— Нет.

— Жена говорит, детям сперва надо. Ей тоже хочется. Выходной день, деньги на дорогу, чтобы вернуться без нового долга. Вот и весь великий план.

Павел смотрел поверх ограды, туда, где за крышами виднелся станционный водонапорный бак.

— Когда определитесь, заранее согласуем отсутствие, — сказал я. — Не накануне смены.

Он сразу кивнул.

— Так я потому и говорю. Вы теперь всему срок ставите, хоть своему тоже оставлю.

Павел пошёл к сыну. У калитки взял у него корзину и что-то сказал про ремень. Мальчишка ответил, они оба засмеялись. Я вернулся к станку, поднял с пола оставшуюся стружку подходящим крючком и убрал в приготовленное место.

У графика я задержался и вписал рядом с учебными часами: «Логинов — поездка, дату уточнить». Пока без числа, но с местом, которое предстояло ему оставить.

* * *

Домой я пришёл с тёплым деревянным бруском в кармане. Митя вырезал его для временной подкладки и оставил лишнюю часть, которую я по дороге зачем-то продолжал держать. Достал уже у стола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.